

Мимолетная улыбка Запада или о широте и «карманных деньгах» русской души и о том, где в Германии вокзал

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»)

www.literatur-viktor-prieb.de)

Рано вечером пришел польский выездной пограничный контроль, который был значительно незаметнее, чем при въезде. Поезд грохотал по мосту через Одер – граница ГДР и ее пограничный контроль. Пограничники ГДР исполняли их службу порядочно и без всякой враждебности. Они выглядели, правда, несколько неуверенными, но все еще выказывали их братское уважение штемпелюемым ими красным советским паспортам.

Сразу после этого контроля по вагону забегали проводники, разнося по купе собранные в начале пути билеты, объявляли о скором прибытии в Берлин, чтобы пассажиры имели еще достаточно времени посетить туалеты, которые должны были быть заперты еще перед Берлином, отдать проводникам постельное белье и упаковать свои вещи.

Когда и эта суэта улеглась, снаружи уже стало совсем вечереть. За окнами вагонов появлялось все больше домов и садов в предместьях Берлина. Все больше огней зажигалось за окнами этих домов, и Отец с некоторой тоской представлял себе, как за этими окнами и стенами собираются вместе после рабочего дня семьи к вечернему столу. Каждый домишко и каждое окошко укрывали уникальный, годами устраиваемый и сохраняемый уют каждой живущей там, внутри, семьи!

Еще вчера вечером у них тоже был какой-то, даже если и едущий «дом», где они были вместе, и у них была хоть какая-то крыша над головой.

– В какую постель пойдут сегодня наши дети, если мы сейчас, поздним вечером, дожны будем сойти с поезда? – крутилось в голове Отца, пока поезд проезжал по Восточному Берлину и уже начал притормаживать. – Ну что ж! Вместе мы будем все еще и это самое главное. С какой-нибудь крышей над головой все тоже как-нибудь образуется.

Выйдя из вагона, Семья осталась стоять вблизи вагонной двери их опустевшего и потемневшего поезда на перроне большого вокзала – маленькая и потерянная группа людей вокруг своих четырех багажных мест.

Они стояли под высоким, огромным куполом и слушали лающий на них оттуда сверху вниз, жестяной, женский голос, не понимая, о чем этот голос пытается их так громко проинформировать. Перрон уже опустел, а они все еще стояли неподвижно, не двигаясь с места и не удаляясь от этого поезда, никем не привеченные и не встреченные.

Это было не запланировано и только теперь чувствовали они следствия неудачного бронирования мест до Дуйсбурга. В Дуйсбурге их должны были встретить. Теперь они должны были сами еще пробиваться до туда. После некоторого времени адаптации они уже могли различать отдельные слова в этом все время повторяющемся и многократным эхом отражающемся под куполом лае:

– Der Zug ... fährt ein, Der Zug ... fährt ab.¹

В промежутках были вероятно названия каких-нибудь им совершенно неизвестных мест, но ни одного, которое было бы похоже на «Дуйсбург».

¹ «Поезд ... прибывает.», «Поезд ... отправляется.»

Так что оттуда сверху помощи ждать было больше нечего. Они должны внутрь вокзала, и как раз тут лежала первая проблема: кроме этого стеклянного купола с въезжающими и выезжающими поездами не видно было никакого здания вокзала.

В России пассажиры выходили где-нибудь снаружи из поезда в темноту, в снег или дождь и сразу видели где-нибудь в стороне такое светящееся, манящее и предлагающее укрытие здание – тот самый вокзал. В Москве они правда видели подобные купола, но тогда вокзал стоял в голове поезда перед локомотивом. Под этим куполом были видны лишь многие перроны, железнодорожные пути и некоторые стоящие или в обоих направлениях выезжающие или с обеих сторон въезжающие поезда.

В отчаянии они стояли еще некоторое время у их поезда, кто знает, может быть, их последнего спасения и последней в этот момент зацепки, которая у них еще оставалась. Их проводник все еще стоял в слабо освещенном проеме двери и ждал, пока поезд оттянут в тупик.

– Где же тут вокзал? – спросил его Отец.

– Вы должны здесь, на перроне, спуститься вниз по лестнице и по туннелю пройти в вокзал, – ответил он, улыбаясь их обо всем говорящей нерешительности.

Когда, вскоре после этого, поезд оттянули, они почти впали в панику. Потом Отец перенял, наконец, снова предводительство:

– Ну, что ж, вперед! Мы должны теперь найти эту проклятую лестницу и этот проклятый вокзал.

И действительно – через пять минут они уже стояли в огромном, богато освещенном, кажущемся почти знакомым или, по крайней мере, близким к русскому опыту помещении вокзала. Непривычным было только то, что помещение было почти безлюдно и в нем не видно было бесконечных полей скамеек, на которых пассажиры в России жили дни и ночи в ожидании их поездов.

Не удалось также открыть огромных очередей у билетных касс, в которых должны были отвоевываться вечно недостающие места на поезда. То есть, что-то было здесь все-таки не так, чтобы почувствовать себя совсем уж уверенно со своим советским опытом.

Потом они нашли вывеску «Information»², в которой они сейчас больше всего нуждались. По дороге к ней дошло до некоторых разногласий:

– У тебя же в школе всегда были хорошие оценки по-немецкому! – обратился Отец к старшей дочери. – Сейчас ты пойдешь к этому окошку и спросишь мужика, как нам отсюда добраться до Дуйсбурга.

– Ах, нет, папа! – энергично засопровтивлялась четырнадцатилетняя дочь. – Там снаружи я не поняла ни одного слова! Ты же учил английский. С твоими чуть-чуть немецким и чуть-чуть английским ты справишься сам! – подбодрила она Отца.

– Учил, учил! Как все мы в Союзе учили и как нам это целенаправлено преподавали, чтобы никто не владел иностранным языком и не мог поэтому сбежать в «заграницу». Я читаю английские статьи и даже могу оформить свои статьи на английском, но я же никогда не говорил по-английски! – бурчал Отец, чтобы скрыть свой предыдущий приступ малодушия.

– Ну, видишь! А что же ты тогда от меня ожидаешь? – облегченно вздохнула дочь.

– Ну, ладно-ладно! Но ты, пожалуйста, остаешься за моей спиной и при нужде придешь мне на помощь! Вдвоем у нас как-нибудь получится.

² Информация

Отец уже понял правильный в таких убогих обстоятельствах подход к делу – не так много говорить, если уж ты этого не можешь, а больше показывать. Поэтому он достал их билеты до Дуйсбурга и их плацкарты до Берлина и выложил это все под нос мужику в информационном окошке.

Это сработало, и мужик быстро опознал их проблему. Гораздо труднее было донести до Отца ее решение. Мужик даже попытался вымучить некоторые русские слова из его школьных лет в ГДР, но они только сбили Отца с толку – политика с иностранными языками была, похоже, во всех братских странах одинаковой.

В конце концов информационный служитель написал все на бумажке и пальцем показал им, куда они должны теперь идти. На бумажке было написано, какой электричкой и до какого вокзала они должны ехать дальше, чтобы найти поезд на Дуйсбург.

Они подались назад в туннель, нашли нужный им перрон и стали ждать на нем указанную на бумажке электричку. При этом Отец должен был снова и снова показывать бумажку многим прохожим, чтобы убедиться, что они все еще на правильном пути. Они сели на правильную электричку и поехали через Берлин.

На Берлин опустились уже вечерние сумерки, и через вагонное окно почти ничего нельзя было разглядеть, кроме моря огней и высоких домов вдоль эстакады железной дороги. Время от времени они пересекали, паря на своей электричке высоко в воздухе, широкие и светло освещенные реки улиц со многими плывущими в них автомобилями и людьми и чувствовали себя все больше потерянными в этом огромном и чужом человеческом муравейнике.

Берлинцы заходили и выходили. Семья сидела в маленьком отделении вагона и блокировала своими четырьмя местами багажа проход. Прочие пассажиры, которые должны были об их багаж запинаться и перешагивать его, относились, однако, к этому на удивление спокойно. Они были единственными среди пассажиров, кто был так тяжело нагружен, так что даже этот – для их ситуации вот уж действительно скудный багаж – казался теперь им самым слишком большим и неуместным.

Через некоторое время Отец показал одному из пассажиров свою бумажку и спросил:

– Wann?

– Zweite Station!³ – ответил спрошенный и показал еще к этому два пальца.

Они отсчитали две остановки и высадились в темноту. Та же история – очень слабо освещенный перрон, который очень быстро пустел от высадившихся, но и близко не видно никакого вокзала, который они теперь-то уж наверняка ожидали, чтобы ехать в Дуйсбург.

Даже купола или крыши не было видно, а лишь темное небо над головой. Отец поставил одному из последних, пробегающих мимо них по перрону высадившихся пассажиров свой ставший уже болезненным вопрос о том, где вокзал. Удивленный пробегающий только сделал движение рукой в направлении, из которого они только что приехали, и побежал дальше. Было очевидно, что вопрос был либо неправильно понят, либо же неправильно поставлен.

С перрона вела вниз к улице лишь одна деревянная лестница, по которой исчезли раньше все остальные высадившиеся. Тут было тяжело сделать что-то не так, и они мужественно пошли вниз по лестнице, которая в конце перешла в тропинку. При всех этих обстоятельствах Отца охватило, вдруг, очень неприятное чувство, что они мощно заблудились и попали на какую-то самую отдаленную сибирскую станцию.

³ «Когда?»
«Вторая остановка.»

К счастью, они услышали впереди на тропинке, в паре метров перед собой, двух парней, говорящих между собой по-русски. Отец обратился к ним по-русски и детально объяснил им, чего они хотят и что ищут.

Эти двое оказались советскими, обучающимися в ГДР и хорошо здесь ориентирующимися студентами. Они показали Отцу на высокое, белое здание со многими огромными входными воротами на улице напротив них и сказали, что путь на Запад ведет через это здание, и что это пограничный пропускной пункт между двумя Германиями.

Только теперь Отец сообразил, наконец, что Германии нету! Что есть только разделенные границами, занавесами, заборами, стенами и пограничными пропускными пунктами ГДР и ФРГ, а также Восточный и Западный «Берлины» вместо одного Берлина. Только теперь понял он также окончательно, какие трудности и препятствия готовили им и готовят еще их плацкарты на поезд «Москва-Берлин».

Двое сопроводили их, на всякий случай, до одних из входных ворот. Четверо поблагодарили их и вошли внутрь. Внутри здания они увидели ряд проходов и много людей, стоявших в очередях перед проходами. Они стали в одну из очередей – впереди Отец с двумя чемоданами в руках и двумя заграничными паспортами наготове. Очередь продвигалась очень быстро вперед, и, вдруг, Отец снова стоял перед пограничником ГДР.

Отец поставил два своих чемодана и показал их паспорта пограничнику. Пограничник не проявил большого интереса к их паспортам, а только бегло глянул в них и сделал однозначный жест рукой:

– Schnell, weiter durch!⁴

Позади прохода они оказались сначала на длинном едущем тротуаре и в его конце на едущей вверх лестнице, которая выплюнула их, вдруг, на широкий, чистый и освещенный, как в белый день, перрон. Тут их охватило, наконец, чувство совершенно другого мира. Все было по-другому и так непривычно, что нельзя было даже сказать, в чем конкретно это отличие заключалось.

Прежде всего, удивляла эта ослепительная освещенность, которая враз сметала все таящиеся по темным углам страхи и неуверенности. Потом эта чистота – никаких окурков, ни одной бумажки, ни одного плевка, ни одного пятнышка – совершенно ничего, чище чем в гостинных некоторых квартир. Сверх того, здесь царил абсолютное спокойствие – ни суеты, никаких бегающих толпами, раздраженных пассажиров.

Некоторые присутствующие сидели на широких скамьях и, очевидно, ожидали своих поездов. Семья направилась к одной такой, сидящей на скамье парочке, и Отец спросил на своем немецком, как они могут добраться до Дуйсбурга. Мужчина и женщина очень по-дружески улыбались им еще при их приближении.

После вопроса Отца они стали, однако, беспокойными и в ответ спросили что-то по-английски, что, опять же, повергло учившего английский, но никогда его не слышавшего Отца скорее в панику, чем помогло ему. Отец сдался, криво улыбнулся парочке в ответ и пошел искать ответа в другом месте.

Но парочка совершенно и не помышляла о том, чтобы сдаваться. Женщина побежала по перрону, вскоре вернулась назад с каким-то словарем в руке и сама заговорила с Отцом на ее словарном немецком.

Атмосфера была настолько непринужденно-расслабляющей, что даже обе дочери преодолели их нерешительность и пришли на помощь Отцу – старшая с ее уже опробованным школьным немецким, младшая с ее школьным английским. Отец тоже

⁴ «Быстро, проходите дальше.»

преодолел свой первый шок от «живого» английского, расслабился и даже сам пытался сконструировать какие-то английские предложения.

Так они быстро установили на смеси с обеих сторон плохого немецкого с плохим – лишь со стороны Семьи – английским, что спрошенный поезд прибудет через полчаса на этот путь, что, впрочем, уже было указано на светящемся над их головой мониторе и ими прочитано. Там они смогли, наконец, лицезреть слово «Дуйсбург» и убедиться, к их величайшему облегчению, что в Германии вообще существует такая станция по имени «Дуйсбург».

В дальнейшем, не желавшем обрываться разговоре они установили также, что парочка приехала специально из Бельгии, чтобы посетить Берлин и раздобыть кусок Берлинской стены. Бельгийцы тут же и показали им их состоящую из многих – какие поменьше, какие побольше, некоторые к тому же еще с пестро размалеванной штукатуркой на них – бетонных кусков добычу.

Когда они услышали, что Семья приехала из России, то были настолько поражены такими историческими обстоятельствами, что тут же подарили каждой из дочерей – как знак международной, только что здесь, на границе поделенной Германии между бельгийской и русской семьями возникшей дружбы – по серому куску бетона. Впрочем, оба без разрисованной штукатурки. Это пережитое ими событие было еще непривычнее, чем освещенность и чистота этого перрона, и Семейей оно было тут же истолковано ни как иначе, чем «улыбающееся лицо Запада».

Все-таки – при всей предположительной широте русской души и при всем русском гостеприимстве – такая открытость и дружелюбность случались, если и вообще, только дома, внутри самого тесного круга самых близких друзей. Снаружи было, главным образом, опасно в советском государстве. Никто не мог чувствовать себя на улице в безопасности. Если какой-то гражданин не был ограблен урками, не был задет пьяной компанией и, просто из удовольствия, избит ею, то он был выдан на произвол милиции.

При малейшем запахе спиртного – достаточно было запаха от одного глотка пива – этот гражданин мог очутиться в камере вытрезвителя, хотя это гражданами, вопреки все чаще повышающейся цене на него, охотно потребляемое и государством им охотно и официально продаваемое спиртное играло для советской казны такую же роль, как бензин для государственной казны Германии, где почти невозможно было бы себе представить, чтобы какой-то водитель автомобиля, который считается «дойной коровой» нации, был наказан арестом за то, что он много ездит на машине и потребляет много бензина.

В Союзе, наоборот, человек за его «потребление бензина» задерживался на всю ночь в этой вонючей камере и должен был потом еще эту переночевку оплачивать по цене пятизвездочной гостиницы. К этим потерям добавлялись еще и вытасченные милиционерами из его карманов деньги.

Особенно строга была милиция в конце месяца, квартала или года, потому что милиция тоже принадлежала к плановому хозяйству и должна была к этим срокам улучшать их отчеты и доходы. Но и в остальное время вероятность попасть в вытрезвитель была очень даже большой, поскольку милиционерам постоянно не хватало «карманных» денег, которые им «разрешено» было пополнять из карманов вытрезвляемых выпивох как «дойных коров» коммунизма.

*